

Е.П. Блаватская

АСТРАЛЬНЫЙ ПРОРОК

Каждый образованный англичанин слышал имя генерала Ермолова, одного из величайших военачальников нашего века, и если он вообще знаком с историей Кавказских войн, то он должен знать о подвигах одного из главных победителей этой страны неприступных крепостей, в которой Шамиль и его предшественники многие годы боролись против мастерства и стратегии русских армий.

Как бы то ни было, странное событие, случившееся там и рассказанное самим героем Кавказа, может заинтересовать изучающих психологию. Далее последует фрагмент из работы В. Потто "Война на Кавказе". В томе 2, в главе "Период Ермолова" (стр. 829 -- 832) можно прочесть:

"Тихо и незаметно прошли в Москве последние дни, отпущенные герою. 19 апреля 1861 года он умер на 85-ом году жизни, сидя в своем любимом кресле, положив одну руку на стол, а вторую на колено; но за несколько минут до этого он по своей старой привычке постукивал ногой по полу.

Невозможно лучше выразить те чувства, которые возникли в России в связи с этой смертью, чем это сделано в некрологе из русской газеты "Кавказ", в котором не сказано ни одного лишнего слова.

"12 апреля в 11. 45 в Москве закончилась жизнь генерала артиллерии, знаменитого во всей России, Алексея Петровича Ермолова. Каждый русский знает это имя; оно связано с самыми яркими событиями нашей славной истории: Ватутино, Бородино, Кульм, Париж и Кавказ всегда будут связаны с именем героя, -- гордости и украшения русской армии и русского народа. Мы не будем приводить здесь послужной список Ермолова. Его имя и титул: истинный сын России, в полном смысле этого слова".

Любопытный факт состоит в том, что его смерть оказалась связанной с легендой странного и мистического характера. Вот что пишет друг, хорошо знавший Ермолова:

"Однажды, покидая Москву, я позвал Ермолова, чтобы попрощаться с ним, и обнаружил, что не смогу скрыть свои эмоции при расставании.

-- Не бойся",-- сказал он мне,-- мы еще встретимся; я не умру до твоего возвращения.

Это было за 18 месяцев до его смерти.

-- Один Бог властен в нашей жизни и смерти,-- заметил я.

-- А я тебе точно говорю, что моя смерть случится не в течение года, а несколькими месяцами позже,-- ответил он. -- Пойдем со мной,-- и с этими словами он повел меня в свой кабинет; здесь, достав из закрытого ящика исписанный листок бумаги, он положил его передо мной и спросил:

-- Чей это почерк?

-- Твой,-- сказал я.

-- Тогда прочти это.

Я согласился.

Это была своего рода памятная записка, содержащая различные даты с того времени, когда Ермолов был произведен в чин подполковника, и показывающая, как в программе, каждое значительное событие, которое должно было случиться в его жизни, столь богатой такими событиями. Он следил за моим чтением, и когда я подошел к последнему параграфу, он закрыл рукой последнюю его строчку.

-- Это тебе не надо читать,-- сказал он,-- на этой строчке записаны год, месяц и день моей смерти. Все, что ты прочел, было написано мной заблаговременно и произошло именно так, вплоть до мельчайших деталей. Сейчас я расскажу, как я это написал. Когда я был еще молодым подполковником, меня послали по делу в небольшой городок. Мое жилище

состояло из двух комнат -- одной для слуг, а второй лично для меня. В мою комнату можно было пройти только через комнату прислуги. Однажды поздно ночью, когда я писал, сидя за столом, я впал в задумчивость, и, внезапно подняв глаза, вдруг увидел стоящего передо мной по ту сторону стола незнакомого мужчину, который, судя по его одежде, принадлежал к низшим слоям общества. Прежде чем я успел спросить его, кто он и что он хочет, незнакомец сказал: "Возьми свое перо и пиши". Чувствуя себя под влиянием неодолимой силы, я молча повиновался. Тогда он продиктовал мне все, что должно было случиться со мной в течение всей жизни, заключая датой и часом моей смерти. С последним словом он внезапно исчез. Прошло несколько минут, прежде чем я полностью пришел в себя и, вскочив со стула, бросился в соседнюю комнату, через которую незнакомец обязательно должен был бы пройти. Открыв дверь, я увидел моего писаря, пишущего при свете свечи, и ординарца, спящего на полу возле входной двери, которая была крепко заперта на замок и задвижку. На мой вопрос "кто это только что был здесь?" -- удивленный писарь ответил: "Никого". До сего дня я никогда и никому не говорил об этом; я заранее знал, что некоторые заподозрили бы, что я все это придумал, а другие сочли бы, что я подвержен галлюцинациям. Но для меня лично вся эта история является абсолютно неопровержимым фактом, объективным и достоверным, доказательство которого содержится в этом самом документе".

После смерти генерала оказалось, что последняя дата в его записке была верна. Он умер в тот же самый год, день и час, как это было указано в его рукописи.

Ермолов похоронен в Орле. Неугасимая лампа, изготовленная из корпуса бомбы, горит перед его могилой. На ее железной поверхности неискусной рукой написаны слова: "Кавказские солдаты, служившие в Гунибе".* Вечно горящая лампа была создана благодаря усердию и благодарной любви нижних чинов Кавказской армии, собравших необходимую сумму из своего скудного жалования (поистине, по-копейке). И этот простой памятник представляет большую ценность и вызывает большее восхищение, чем самый богатый мавзолей. Другого памятника Ермолову в России нет. Но гордые и величественные скалы Кавказа представляют собой бессмертный пьедестал, на котором для всякого истинно русского человека всегда будет находиться величественный образ генерала Ермолова, окруженный ореолом вечной славы".

Теперь несколько слов о природе этого видения.

Без сомнения, каждое слово яркого и четкого рассказа генерала Ермолова является абсолютно правдивым. Он был выдающимся приверженцем фактов, искренним и ясномыслящим человеком, без малейшего оттенка мистицизма, настоящим солдатом, благородным и прямолинейным. Более того, этот эпизод из его жизни был удостоверен его старшим сыном, лично знакомым мне и моей семье в течение многих лет, когда мы жили в Тифлисе. Все это является надежным доказательством истинности этого явления, удостоверенного, к тому же, письменным документом, оставленным генералом, в котором содержится точная дата его смерти. И что же можно сказать о таинственном посетителе? Спиритуалисты, конечно, увидят в нем бестелесную сущность, "материализованный дух". Они будут заявлять, что человеческий дух сам по себе может предсказать целую серию событий и абсолютно ясно видеть будущее. Мы тоже так говорим. Но, соглашаясь в этом, мы расходимся во всем остальном; то есть, тогда как спиритуалисты говорят, что это видение было видением духа, отличного от высшего Эго генерала и независимого от него, мы придерживаемся совершенно обратной точки зрения и говорим, что это было именно то самое Эго. Давайте обсудим это беспристрастно.

Но какова же *raison d'être*, основная причина такого видения пророка; и каким образом вы или я, например, после смерти, появимся перед каким-нибудь достигшим совершенства человеком, чтобы сообщить ему то, что должно с ним случиться? Если бы генерал узнал в своем госте какого-либо близкого родственника, собственного отца, мать, брата или закадычного друга, и получил бы от него некое предостережение, слабый намек на то, как могло бы быть,-- тогда мы получили бы что-нибудь в пользу этой теории. Но ничего

подобного не было: просто "незнакомый мужчина, принадлежащий, судя по его одежде, к низшим слоям общества". Если это так, то почему душа бедного утратившего тело торговца или рабочего озабочена тем, чтобы появиться перед каким-либо незнакомцем? И если только "дух" предполагает такое появление, к чему тогда вообще этот маскарад и посмертная мистификация? Если такие посещения происходят по свободной воле "духов", если такие откровения могут происходить для удовольствия бестелесной Сущности и независимо от каких-либо законов общения между двумя мирами,-- тогда какова же может быть причина, побуждающая этот "дух" играть с генералом в предсказательницу Кассандру? Ничего подобного. Настаивать на этом -- значит добавить еще одно абсурдное и отталкивающее свойство к теории "посещения духов" и внести дополнительный элемент насмешки в сакральность смерти. Материализация нематериального духа -- божественного Дыхания -- спиритуалистами стоит в одном ряду с очеловечиванием Абсолюта теологами. Именно эти утверждения вырыли почти непроходимую пропасть между теософами-окультистами и спиритуалистами с одной стороны, и теософами и церковными христианами с другой.

Теперь о том, как теософ-окультист объяснил бы видение в соответствии с эзотерической философией. Он бы напомнил читателю, что высшее Сознание в нас, со своими собственными законами и условиями проявления, является почти полностью terra incognita для всех (включая спиритуалистов), и для людей науки прежде всего. Далее он бы напомнил читателю об одном из основных учений оккультизма. Он сказал бы, что кроме того, что божественное всеведение присуще его собственной природе и сфере его действий, для индивидуального бессмертного Эго в Вечности не существует ни Прошлого, ни Будущего, а только одно бесконечно длящееся НАСТОЯЩЕЕ. И, раз эта доктрина принята, или хотя бы постулирована, оказывается вполне естественным, что вся жизнь Личности, которую одушевляет Эго, от рождения до смерти, должна быть столь же ясно видна высшему Эго, как она невидима и скрыта от того ограниченного зрения, которое имеет его временная и смертная форма. Таким образом, вот что должно было случиться в соответствии с представлениями оккультной философии.

Генерал Ермолов сказал другу, что когда он писал поздно ночью, он внезапно впал в задумчивость, и, подняв глаза, внезапно увидел незнакомца, стоящего перед ним. Эта задумчивость представляла собой внезапно наступившее дремотное состояние, вызванное усталостью и чрезмерной работой, и во время его происходило некое механическое действие чисто сомнамбулического характера. Когда Личность, внезапно становится восприимчивой к присутствию своего высшего Эго, тогда спящий человек автоматически подпадает под влияние Индивидуальности и тотчас рука, которая в течение нескольких часов до того была занята писанием, механически возобновляет свою работу. При пробуждении Личности кажется, что документ, лежащий перед ней, написан под диктовку посетителя, чей голос она слышала, тогда как на самом деле это была просто запись наиболее глубоких внутренних мыслей (или, скажем мы, знания) ее собственного божественного "Эго", пророческого, в силу всеведения Духа. "Голос" последнего был просто трансляцией в момент пробуждения, посредством памяти, ментального знания относительно жизни смертного человека, переданного к низшему сознанию от высшего. Все другие детали, сохраненные в памяти, также допускают естественное объяснение.

Так, незнакомец, одетый как бедный мелкий торговец или рабочий, говоривший с ним стоя перед ним, принадлежит, также как и "голос", к тому классу хорошо известных явлений, которые знакомы нам как ассоциации идей и реминисценции в наших сновидениях. Картины и сцены, видимые нами во сне, события, длящиеся в наших снах часами, днями, а иногда и годами,-- все это на самом деле занимает меньше времени, чем вспышка света в момент пробуждения и возвращения к полному сознанию. Физиология дает многочисленные примеры таких случаев сильных мгновенных фантазий. Мы протестуем против материалистических дедукций современной науки, но никто не может опровергнуть ее факты, накопленные за долгие годы тщательных экспериментов и

наблюдений ее ученых, и эти факты подтверждают наш аргумент. Генерал Ермолов провел несколько дней в маленьком городе, занимаясь расследованием, в ходе которого его главным занятием был, вероятно, опрос множества людей низших классов; это объясняет, почему в его воображении, столь же живом, как и сама реальность, возник образ мелкого торговца.

Давайте обратимся к опытам и объяснениям большой группы философов и посвященных, глубоко знакомых с тайнами внутреннего Эго, вместо того, чтобы возлагать ответственность на действия "духов умерших", побуждения которых нельзя объяснить никаким разумным образом.

"Люцифер", июнь 1890

* "Гуниб" -- это название последнего укрепления черкесов, в котором был побежден и взят в плен русскими, после многих лет отчаянной борьбы, великий шейх горцев -- Мюрид Шамиль. Гуниб -- это гигантская скала, которая долгое время казалась неприступной, но, в конце концов, была взорвана и взята русскими солдатами ценой огромных жертв. Ее захват на самом деле положил конец войне на Кавказе, которая длилась более 60-ти лет, и стал гарантией его завоевания.
